

А. А. Бестужев-Марлинский. Ревельский турнир

OCR: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, сентябрь 2004

I

"Вы привыкли видеть рыцарей сквозь цветные стекла их замков, сквозь туман старины и поэзии. Теперь я отворю вам дверь в их жилища, я покажу их вблизи и по правде".

Звон колоколов с Олая великого звал прихожан к вечерней проповеди, а еще в Ревеле все шумело, будто в праздничный полдень. Окна блистали огнями, улицы кипели народом, колесницы и всадники не разъезжались.

В это время рыцарь Бернгард фон Буртнек спокойно сидел под окном в ревельском доме своем, за кружкой пива, рассуждая о завтрашнем турнире и любясь сквозь цветное окно на толпу народа, которая притекала и утекала по улице, только именем широкой. Судя по бороде, по собственному его выражению, с серебряною насечкой, то есть с сединою, Буртнек был человек лет пятидесяти, высокого и когда-то статного роста. Черты его открытого лица показывали вместе и доброту и страсти, не знавшие ни узды, ни шпоры, природное воображение и приобретенное невежество.

Зала, в которой сидел он, обшита была дубовыми досками, на коих время и червяки вывели предивные узоры. По углам, со всех панелей развешались фестонами кружева Арахны. Печка, подобие рыцарского замка, смиренно стояла в углу, на двенадцати ножках своих. Налево дверь, завешенная ковром, вела на женскую половину через трех-ступенный порог. На правой стене, в замену фамильных портретов, висел огромный родословный лист, на котором родоначальник Буртнеков, простертый на земле, любовался исходящим из своего лона деревом с разноцветными яблоками. Верхнее яблоко, украшенное именем Бернгарда Буртнека, остального представителя своей фамилии, до-родностию своею, в отношении к прочим, величалось как месяц перед звездами. Подле него, в левую сторону вниз, спускался коропованный кружок с именем Минны фон... Бесцветность будущего скрывала остальное, а раззолоченные гербы и арабески, наподобие тех, коими блещат наши вяземские пряники, окружали дерево поколений.

- Нагулялся ли ты, любезный доктор? - спросил Буртнек входящего в комнату любянина Лопциуса, который приехал на север попытать счастья в России и остался в Ревеле, отчасти напуганный рассказами о жестокости москвитцев, отчасти задержанный городской думою, которая не любила пропускать на враждебную Русь ни лекарей, ни просветителей. Надо примолвить, что он своим плавким нравом и забавным умом сделался необходимым человеком в доме Буртнека. Никто лучше его не разнимал индейки за обедом, никто лучше не откупоривал бутылки рейнвейна, и барон только от одного Лонциуса слушал правду не взбесившись. Ребят забавлял он, представляя на тени пальцами разные штучки и делая зайца из платка. Старой тетушке щупал пульс и хвалил старину, а племянницу заставлял краснеть от удовольствия, подшучивая насчет кого-то милого.

- Нагулялся ли ты? - повторил барон, отирая с усов своих пену.

- Не пользую нагулялся, барон, - отвечал весельчак доктор, выгружая из карманов своих, будто из теплиц, разнородные растения. - Вот целые пучки лекарственных корней, собранных мною, и где бы вы думали?... на вышгородских укреплениях!.. Эту полынь, например, целительную в виде желудочных настоек, сорвал я в трещине главной башни; эту ромашку выдернул из затравки одного ржавого орудия, и я, конечно бы, собрал на стене гораздо более трав, если бы комендантские коровы не сделали там прежде меня ботанических исследований.

- Ну, каковы же тебе кажутся наши неприступные, грозные бойницы?

- Ваши грязные бойницы, барон, мне кажутся неприступными для самого гарнизона, потому что все всходы обрушены, а грозны они только издали; половина пушек отдыхает на земле, на валах цветет салат, а в башнях я, право, больше видел запасенного картофеля, нежели картечей.

- Да, да... это сказать - так стыд, а утаить - так грех! Хорошо еще, что такая оплошность со стороны моря. Ведь сколько раз говорил я гермейстеру, чтобы поставить все пушки на дыбы и не давать растаскивать ядер на поварни.

- Славно сказано, барон; еще лучше, когда б это исполнилось. Тогда перестали бы ревельцы потчевать приятелей, как их потчуют русские, калеными ядрами в виде пирожков. Не далее как вчера я насилу залил пожар моего желудка, вспыхнувшего от подобного **брандскугеля**.

- И заливал, конечно, не водою, доктор?

- Без сомнения, мальвазией, господин барон. Неужели вы не знаете, что многие вещества от воды разгоряются еще сильнее? А ваш дикий перец, конечно, стоит греческого огня.

Барон имел похвальную привычку соглашаться с тем, чего не знал. И потому он с важною улыбкою одобрения отвечал доктору: "Знаю... знаю"; но между прочим, не желая обжечься этим греческим огнем, он подвинул к Лонциусу кружку с пивом и предложил ему потушить остатки вчерашнего пожара.

- Тебе завтра будет вдвойне работы, - продолжал он, сводя разговор на турнир.

- Работы, барон? Разве я кузнец? - отвечал доктор, выменивая каждое слово на глоток пива. - Зачем вам хирурга, когда вы ломаете не ребра, а латы! С тех пор как выдуманы эти проклятые сплошные кирасы, нашему брату приходится вспоминать о своих опытах, словно сказку о семи Семимонах. Велика очень храбрость залезть в железную скорлупу, да и стоять в битве наковальной! Право, от вашего вооружения более терпят кони, чем неприятели!..

- Полно, полно, Густав, хулить наши брони за то, что они берегут нас от вражьих мечей и твоих ланцетов. Спроси-ка лучше у русских, любы ли они им? Наши латники гоняют кольчужников тысячами.

- Для того-то русские и не ждут ваших конных бойниц, а любят заставить вас по-домашнему - в замше. Сказывают, в Новгороде очень дешевы из нее перчатки!..

Оно и не мудрено: отнятое хоть грошем, но дешевле купленного.

- Вздор, Густав, небылица! Клянусь своими шпорами, что если бы русские увезли у меня хоть уздечку, я бы нагнал удалцов и выкроил бы из их кож себе подпруги!..

- У других с уздечками они уводят и коней, а ни у одного еще рыцаря не видать подпруг из такого сафьяна.

- У прочих... у других!.. Другие мне не указ. Я уверен, что русские не